В. В. ВИНОГРАДОВ

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА

1

Проблема значения слова, проблема смысловой стороны слов и выражений чрезвычайно существенна для марксистского языкознания. Важность этой проблемы была подчеркнута в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

От правильного решения этой проблемы во многом зависит понимание объема, предмета и задач семантики или семасиологии в общей системе науки о языке. Изучение закономерностей развития словарного состава языка также невозможно без глубокого проникновения в существо исторических изменений значений слов. Исследование целых групп, систем, рядов, категорий слов и законов их семантических изменений все больше и больше начинает входить в практику исторической и сравнительно-исторической лексикологии. Следовательно, выяснение сущности значения слова, анализ качественных изменений в структуре значений слов — в их историческом движении, — является одной из основных задач лексикологии. Определение или толкование значений слов — главная цель составления словарей, прямой объект лексикографии.

Изучение законов развития смысловой стороны слов и выражений того или иного языка в связи с развитием этого языка, в связи с историей соответствующего народа должно быть органической частью общей истории данного языка. В этой мало исследованной области языкознания перед советскими лингвистами открывается множество неотложных проблем и задач. Важнейшие из них — создание исторических словарей языков с давней письменностью и построение описательных, исторических и сравнительно-исторических лексикологий разных языков. Начало движения в этом направлении — составление точных, адекватных языковой действительности толковых словарей современных языков.

Акад. Л. В. Щерба в своем «Опыте общей теории лексикографии», говоря о повсеместном отсутствии хороших исторических словарей, заметил: «Историческим в полном смысле этого термина был бы такой словарь, который давал бы историю всех слов на протяжении определенного отрезка времени, начиная с той или иной определенной даты или эпохи, причем указывалось бы не только возникновение новых слов и новых значений, но и их отмирание, а также их видоизменение... Вопрос осложняется еще тем, что слова каждого языка образуют систему... и изменения их значений вполне понятны только внутри такой системы; следовательно, исторический словарь должен отражать последовательные изменения системы в целом. Как это сделать, однако — неизвестно, так как самый вопрос как будто еще не ставился во весь рост»¹.

¹ Л. В. Щерба, Опыт общей теории лексикографии, «Известия АН СССР, Отд-ние лит-ры и языка», М., 1940, № 3, стр. 117.

С этим заявлением современного нам языковеда любопытно сопоставить слова писателя начала XIX в. И. М. Муравьева-Апостола, который так рассуждал о словарях — толковых и исторических: «Все эти толковые словари кажутся мне похожими на арсеналы, в которых тьма древних и новых оружий, развешанных по стенам в систематическом порядке. Войди в них, и с первого взгляда покажется тебе сокровище необъятное. Но как дело дойдет до вооружения, так и не знаешь, за что и как приняться, потому что оружие знакомо тебе только по одной надписи, которая висит над ним, а не по ручному употреблению»².

Одним из путей подхода к решению сложных вопросов, связанных с изучением слова и его значения, с исследованием законов изменений значений слов, является выяснение разных типов или видов лексических значений слова и способов или форм их связи в смысловой структуре слова.

Общеизвестно, что слово является не только названием предмета или предметов, но и выражением значения, а иногда и целой системы значений. В одном и том же значении обобщается и объединяется общественное понимание разных предметов или явлений, действий, качеств [ср., например: *пища, питание; продукт — продукты* (в разных значениях); *драгоценность — драгоценности; образец, образ; вести, идти, лететь, отплатить* и т. п.]. С другой стороны, разные слова, отличающиеся одно от другого своими значениями или их оттенками, могут быть применены по отношению к одному и тому же предмету как его названия (например: *пища, питание, еда, стол*).

Обозначая явление, предмет, слово вместе с тем передает его связи и отношения в динамическом целом, в исторической действительности. Оно отражает понимание «кусочка действительности» и его отношений к другим элементам той же действительности, как они осознавались или осознаются обществом, народом в известную эпоху и при этом с широкой возможностью позднейших переосмыслений первоначальных значений и оттенков. Так, глагол *насолить*, кроме прямого конкретного значения «заготовить солением, положить много соли во что-нибудь», еще имеет в современном языке переносное значение «повредить, причинить неприятность». Вероятнее всего, это переносное значение глагола *насолить* возникло на основе некогда существовавших представлений о колдовстве. По суеверным представлениям прошлого, болезнь и порчу могло вызывать разбрасывание с наговором различных предметов. Лица, переходящие через заколдованные предметы или прикасавшиеся к ним, подвергались «порче»; с целью нанести вред и употреблялась часто «наговорная» соль³.

Между рядами предметов, действий, качеств, обозначаемых словами, существуют разнообразные взаимодействия и соотношения. Предмет, названный словом, может оказаться звеном разных функциональных рядов, разных сторон действительности, включенных в одну широкую картину жизни. Слово помогает осмыслить и обобщить эти отношения. Все это

² [И. М. Муравьев-Апостол], Письма из Москвы в Нижний Новгород [1813—1814 гг.]. Письмо 10-е, «Сын отечества», СПб., 1814, № VII, стр. 19—30.

³ Проф. Л. В. Черепнин в статье «Из истории древнерусского колдовства XVII в.» («Этнография», М.—Л., 1929, № 2, стр. 96) приводит судебно-следственные материалы, свидетельствующие о том значении, которое придавалось действию соли, подвергшейся наговорам. В XVII в. колдун Терешка Малакуров «на соль наговаривал и метал по улицам и по перекресткам, кто перейдет и тово возьмет пуше». Жена Луховского крестьянина Трошки Яковлева «сыпала соль с наговором в воротах от верей до верей» для того, чтоб «сердцо отнять» у приказчика, который держал «в железзах» ее мужа.

находит отражение в развитии значений слова в языке того или иного исторического периода.

Так, слово *концовка* связано с профессиональной терминологией работников печати. В типографском деле оно и теперь обозначает рисунок, графическое украшение в конце рукописи, книги или в конце главы, раздела. Слово *концовка* образовано от прилагательного *концбый* или *концевбый* с помощью суффикса *-ка* (ср. разговорные *столовка*, *вишневка*, *открытка* и т. п.). Этот тип словообразования приобретает особую продуктивность в русском литературном языке с 60-х годов XIX в.

Слово *концовка* в русском языке (ср. польск. *końcówka* и чеш. *koncovka*) возникло не ранее последней четверти XIX в.⁴ В начале XX в. это слово расширило свои значения: оно было перенесено в область литературной и музыкальной терминологии (*концовка стихотворения*, *концовка романа*). Словом *концовка* стала называться заключительная часть какого-нибудь произведения. Например, в книге либерального критика А. А. Измайлова «Помрачение божков и новые кумиры» (М., 1910): «Тургенев и Гончаров, Толстой и Достоевский довели до предельного совершенства реалистический гоголевский и пушкинский рассказ. За ними черта, точка, завершительная концовка».

Таким образом, формирование и создание нового понятия или нового понимания предмета осуществляется на базе имеющегося языкового материала. Это понимание, воплощаясь в значение слова, становится элементом смысловой структуры данного языка в целом. Всякий раз, когда новое значение включается в лексическую систему языка, оно вступает в связь и во взаимоотношение с другими элементами сложной и разветвленной структуры языка. Только на фоне лексико-семантической системы языка, только в связи с ней определяются границы слова, как сложной и вместе с тем целостной языковой единицы, объединяющей в себе ряд форм, значений и употреблений.

При отношении к слову только как к названию нельзя установить принципиальной разницы между разными значениями одного и того же слова и между различными словами-омонимами. Так, в «Искре» (СПб., 1859, № 42) был напечатан под злободневной карикатурой на редактора одного журнала такой диалог: «У меня сегодня весь день в голове стреляет. — Сами виноваты, зачем завели в ней так много дичи». Без понимания семантических отношений соответствующих слов в лексической системе русского языка нельзя лингвистически осмыслить, в чем соль этой остроты, этого каламбура; «стреляет в голове» и «стрелять дичь на охоте» — разные действия, но образуют ли обозначения этих действий разные слова, или же они входят в строй значений одного и того же слова? Как относится слово *дичь* — обозначение чепухи, ерунды, вздора к *дичи* — обозначению диких птиц, объекта стрельбы?

Исходя из предметов действительности, из природы вещей, пришлось бы признать значения слова *хребет*: 1) «спина, позвоночник» (*спинной хребет*, *своим хребтом отдуваться*) и 2) «цепь гор, тянующихся в каком-нибудь направлении» — разными словами, омонимами. Между тем в русском языке это — разные значения одного и того же слова *хребет*. Им соответствуют разные слова в других языках, например во французском: 1) *colonne vertébrale*, *épine dorsale*, *rachis*; 2) *dos*, *échine* и 3) *crête*, *chaîne de montagnes*.

Не проникая глубоко в семантические основы данной конкретной языковой системы, невозможно установить признаки и нормы конструктив-

⁴ Впервые оно зарегистрировано в «Словаре русского языка, сост. Вторым отделением Имп. акад. наук», т. IV, вып. 7, СПб., 1913, стр. 1923. Ср. «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, т. I, М., 1935, стр. 1456.

ного объединения значений в составе одного и того же слова, способы образования новых слов и значений, невозможно отличить омонимы от разных значений одного слова. Смысловые границы слова могут быть очень широки, а иногда и не вполне определены. Смысловая область слов (даже многих научных терминов) имеет пограничные зоны и многочисленные переходные оттенки.

Между словарем науки и словарем быта — прямая и тесная связь. Всякая наука начинается с результатов, добытых мышлением и речью народа, и в дальнейшем своем развитии не отрывается от народного языка. Ведь даже так называемые точные науки до сих пор удерживают в своих словарях термины, взятые из общенародного языка (*вес, работа, сила, тепло, звук, свет, тело, отражение* и т. п.). Еще большее значение имеет народное мышление и созданная им терминология для наук общественных и политических ⁵.

Значение слова определяется не только соответствием его тому понятию, которое выражается с помощью этого слова (например: *движение, развитие, язык, общество, закон* и т. д.); оно зависит от свойств той части речи, той грамматической категории, к которой принадлежит слово, от общественно осознанных и отстоявшихся контекстов его употребления, от конкретных лексических связей его с другими словами, обусловленных присущими данному языку законами сочетания словесных значений, от семантического соотношения этого слова с синонимами и вообще с близкими по значениям и оттенкам словами, от экспрессивной и стилистической окраски слова.

В языковой системе смысловая сущность слова не исчерпывается свойственными ему значениями. Слово по большей части включает в себе указания на смежные ряды слов и значений. Оно насыщено отражениями других звеньев языковой системы, выражая отношение к другим словам, соотносительным или связанным с его значениями. В богатстве таких отголосков и заключается ценность удачного названия или художественного выражения. Эти черты семантики слова уже давно — со времени литературно-художественной деятельности А. С. Пушкина — были осознаны нашими филологами и писателями. Так, например, П. А. Плетнев писал Я. К. Гроту (29 сентября 1845 г.) о своей лекции в университете: «Я изъяснил, что нет в языке слов равнозначущих совершенно, потому что с лексиконным значением в голову приходит с каждым словом идея века, народа, местности, жизни. Все это удалось мне выяснить простым примером — *борода* и *брада*. Первая так и рисует читателю Русь в виде ее мужика, купца или попа. Второе каждого из нас переносит во времена патриархов (иудейских), в жизнь восточных народов и проч., оттого только, что это слово врезалось в память из церковных книг. На этом я основал важное учение о мастерстве давать картинам точные краски в литературных произведениях» ⁶.

Позднее проф. А. В. Никитенко (в дневнике 26 января 1864 г.) заметил: «То выражение особенно хорошо, которое, с точностью передавая определенную мысль, вместе с тем дает вам чувствовать и отношение

⁵ Повсюду, где народные представления подвергаются серьезной научной или практически деловой переработке, выплывает неясная пограничная область и создание более резких границ превращается в проблему. Поверхностные признаки различия между растением и животным, которые каждому непосредственно бросаются в глаза и которые в течение тысячелетий казались достаточными, совершенно непригодны для высшей ступени научного познания. Ср. у К. О. Erdmann'a (Die Bedeutung des Wortes, Leipzig, 1925, стр. 76).

⁶ «Перепяска Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. II, СПб., 1896, стр. 574—575.

ее к другим мыслям, более или менее к ней близким или отдаленным, но которые не входят непосредственно в цепь излагаемых вами понятий»⁷. Язык Пушкина представляет разительные примеры семантической многоплановости слова и — вместе с тем — многообразия его возможных художественных применений.

Связь значений слова с лексико-семантической системой языка осуществляется через посредство внутренне объединенных разнообразных предметно-смысловых и экспрессивно-синонимических словесных групп⁸.

Вследствие сложности смысловой структуры слова, вследствие многообразия его соотношений и живых взаимодействий с другими лексическими звеньями языковой системы бывает очень трудно разграничить и передать все значения и оттенки слова даже в данный период развития языка, представить со всей полнотой и жизненной конкретностью роль слова в речевом общении и обмене мыслями между членами общества.

2

Отсутствие разработанной семантической теории слова сказывается в том, что у нас не обобщены и не систематизированы наблюдения над качественным своеобразием значений и форм их связи, их внутреннего объединения у слов, относящихся к разным грамматическим классам. Не может считаться достаточно изученным вопрос о характере соотношений и взаимодействий лексических значений с грамматическими у разнообразных типов предлогов, союзов, частиц и других разрядов служебных слов. Внутреннее своеобразие лексических значений, например, предлога в соотношении с семантическими свойствами глаголов, прилагательных и других частей речи не определено (ср., например: *полное ведро воды* и *ведро с водой*; *домик, принадлежащий бабушке* и *домик у бабушки*; *генерал, сопровождаемый ординарцами* и *генерал с ординарцами*; *калитка без запоров* и *калитка, не имеющая запоров* и т. п.).

Высказывалась мысль, что семантический объем и способы объединения значений различны в словах, принадлежащих к разным знаменательным частям речи. Так, смысловая структура глагола шире, чем смысловая структура имени существительного, и круг его значений подвижнее. Например, глагол *звонить* служит в современном русском языке обозначением разных действий, связанных и со *звоном*, и со *звонком* (ср. соотношение глагола *свистеть* с существительными *свист* и *свисток*, глагола *гудеть* — с *гудение* и *гудок*; ср. объединение в глаголе *вытравить* значений, связанных с существительными *травя*, *отрава* и *травля*). Еще более эластичны и разнообразны значения качественных прилагательных и наречий (таких, как *легкий*, *легко*, *простой*, *просто* и т. д.).

Широта фразовых связей слова также зависит от его грамматической

⁷ Дневник Александра Васильевича Никитенко, «Русская старина», СПб., 1891, апрель, стр. 144.

⁸ Для иллюстрации экспрессивно-стилистических, а отчасти и социально-речевых взаимоотношений между синонимическими или близкими по смыслу словами можно припомнить известный анекдот о знаменитом адвокате Ф. Н. Плевако: «Старый анекдот гласит о том, что однажды к московскому „златоусту“ явился именитый купец с каким-то весьма неприятным делом. Плевако, после „оскультации“ и ознакомления с делом, во время чего купец сидел ни жив ни мертв, наконец, молвил: „Ну, что же, дело ничего, дело можно и обернуть!“ — „Уж будь, Федор Никифорович, отцом-благодетелем! Не оставь!“ — „Благодетельствовать я тебе не буду, а давай аван!“ Купец глаза выдушил: „Это что же такое, Федор Никифорович, аван?“ — „Ах, ты, чудак! Задаток знаешь?“ — „Ну, вестимо, знаю!“ — „Так вот, аван вдвое больше!“» [А. Р. К у г е л ь (Номо novus), Литературные воспоминания (1882—1896 гг.), Пг.—М., „Петроград“, 1923 (на обл.: 1924), стр. 101].

структуры. Нередко различие лексических значений слова связано с разными его грамматическими формами. Например, глагол *холодать* употребляется или безлично со значением «становиться холоднее» (форма совершенного вида — *похолодать*): *Уже совсем стемнело и начинало холодать* — или лично — применительно к живым существам (причем по отношению к людям всегда в сочетании с глаголом *голодать*) в значении «зябнуть, страдать от холода» (*холодал и голодал*). Ср. у Гаршина в рассказе «Четыре дня»: «Неужели я бросил все милое, дорогое, шел сюда тысячеверстным походом, голодал, холодал, мучился от зноя...»

Границы между словом и грамматической формой слова бывают подвижными, скользкими. Например, сложен и спорен вопрос, можно ли считать формами одного и того же слова такие глагольные разновидности, как, например, *заслуживать* с винительным падежом (несовершенный вид к *заслужить*: *В это время он заслуживает доверие своих товарищей*) и *заслуживать* с родительным падежом (в значении «быть достойным чего-нибудь»: *Проект заслуживает внимания; Книга заслуживает всяческой похвалы* и т. д.).

Русский язык, как и другие языки, имеет ряд слов, которые употребляются только в какой-нибудь одной форме. Так, мы имеем одну форму родительного множественного — *щец*. Считать ли ее формой слова *щи*, параллельной форме *щей*, или видеть в ней особое слово? (ср. *дрова* — *дров, дровец*). Также мы пользуемся одной формой дательного множественного: (по) *мордасам*. Связывать ли ее экспрессивно со словом *морда*? Слово *мордас*, повидимому, имело некогда увеличительно-презрительное значение «надутая щека» (ср. *дубасить* от областного *дубас*).

Иногда вопросы этого рода разрешаются проще. Например, у некоторых советских писателей употребляется областное слово *угрево* в среднем роде, у других — слово *угрева* в женском роде. Например, у С. Голубова в повести «Атаман и фельдмаршал» читаем: «Солнечное угрево приласкало землю. Вода побежала светлыми ручейками в овраги...» («Доблесть». Повести и рассказы). У Л. Леонова во «Взятии Великошумска»: «Маленькое сероватое существо, ежась от холода и дремотно щурясь на свет, лежало в огромной правой ладони танкиста; левою он прикрывал его от простуды, так что хвост и ноги оставались под угревой мокрого обрядинского рукава». Очевидно, это — формы одного и того же слова. Но, вероятно, разными словами должны быть признаны *заправлять* — форма несовершенного вида к *заправить* (*Заправлять машину бензином*) и *заправлять* в значении «быть заправкой» (*Всеми делами в доме заправляла свояченица*).

Для того чтобы уловить потенциальные тенденции смыслового развития слов, целесообразно исследовать и способы их индивидуально-творческого применения и преобразования, хотя индивидуально переосмысление слова, не получившее общественной санкции, обычно не меняет присущих этому слову значений. Ср. у Марлинского индивидуальное применение слова *междометие*: «Все лица вытянулись восклицательными знаками; на всех ртах бродили междометия» («Мулла-Нур»).

Вместе с тем индивидуально употребление слова может быть связано с выполнением им характерологических функций в языке художественной литературы. Так, в пьесе Чехова «Юбилей» бухгалтер Хирин подвергает слово *междометие* комической этимологизации (*между-метия* — «мелькания»): «А тут еще воспаление во всем теле. Зноб, жар, кашель, ноги ломит и в глазах этикие ...междометия».

Изучение способов и своеобразий индивидуального употребления слова должно производиться не только на фоне системы уже установившихся общественных его значений, но и на фоне его типических образных

применений. Л. В. Щерба в своем «Опыте общей теории лексикографии», перечислив разные значения слова *игла*, указывал на необходимость — в восполнение их — очертить весь фразеологический круг образного употребления этого слова: «Как бы мы ни решали вопроса о значении этого слова, остается все же вопрос о том, в каких случаях слово *игла* может быть употреблено образно. Можно ли, например, сказать о гвоздях, натыканных для затруднения воров поверх забора, что они *торчат как иглы*? Мне кажется, что нельзя; это, хотя и неважно само по себе, однако показывает, что в словаре должны быть исчислены все традиционные случаи образного применения данного слова»⁹.

Изучение образного применения слова особенно важно для полного и широкого воспроизведения истории так называемых фразеологически связанных значений, для понимания их генезиса. Например, слово *когти* в русской литературе начала XIX в. употреблялось как образ хищнического насилия, цепкого и мучительного властвования. Оно повлекло за собой в круг переносного употребления многочисленную группу слов и фраз. *Когтями* образно наделяются в русской художественной литературе болезнь, смерть, нищета, тоска, горе и горестные чувства (например, горькое воспоминание), изуверство, фанатизм, ложь, разврат и другие отрицательные, но стихийные страсти, эмоции и явления.

В связи с этим развивается такая фразеология: «...Смерти в когти попадешь, и не думая о ней!» (Д. Давыдов, Песня); или у Марлинского: «Бедный, добрый друг, — для того ли выпустила она (смерть. — В. В.) тебя из когтей своих, чтобы похитить после удачи» («Наезды»); или: «Смерть впустила в него когти свои» («Латник»). У Гоголя в «Невском проспекте»: «Разврат распустил над нею страшные свои когти»; у Лермонтова в стихотворении «Ночь»: «Воспоминание в меня впилось когтями»; у А. К. Толстого в романе «Князь Серебряный»: «Отчаяние схватывало его как железными когтями»; у Тургенева в «Накануне»: «Я видела тебя в когтях смерти, без памяти»; у Чехова в «Крыжовнике»: «Как бы он ни был счастлив, жизнь рано или поздно покажет ему свои когти, стряется беда — болезнь, бедность, потери».

На почве этой фразеологии, даже если бы она получила широкое распространение за пределами художественной литературы и риторической публицистики, едва ли могло сложиться у слова *когти* переносное, фразеологически связанное значение (когти чего-нибудь — «губительная власть чего-нибудь», «терзающая сила чего-нибудь»). Образ, возникающий на базе предметно-конкретного слова, при наличии опорного прямого номинативного значения, обычно не стирается и не погасает. Сохранение яркой образности в этом случае — симптом того, что новое значение еще не выкристаллизовалось, не получило концентрации в самой смысловой структуре слова.

В других случаях на основе расширения фразеологических связей у слова может сложиться новое значение. Такова, например, картина развития значений слова *кодекс* в русском литературном языке XIX в. В 20—40-е годы, когда перед русской передовой интеллигенцией встает с особенной остротой вопрос об общественно-политических убеждениях, слово *кодекс* из юридической терминологии переносится в сферу вопросов мировоззрения, жизненной морали и общественного поведения. Круг фразеологических связей у этого слова расширяется. Например, у Баратынского в «Цыганке»: «Развратных, своевольных правил Песчастный кодекс свой составил»; у Гончарова: *кодекс сердечных дел* («Обыкновенная история»), *кодекс дружбы* («Фрегат Паллада»); у Добролюбова: *кодекс*

⁹ Л. В. Щерба, указ. соч., стр. 103.

убежденный («Мишура»); у Салтыкова-Щедрина: *кодекс житейской мудрости* («Невинные рассказы»); у Достоевского: *кодекс нравственности* («Зимние заметки о летних впечатлениях»), *кодекс приличий* и т. п.

В связи с расширением контекстов употребления слова *кодекс* постепенно складывается то его фразеологически связанное значение, которое определяется в современных толковых словарях как «система, совокупность норм чего-нибудь — правил, привычек, убеждений» и т. д.

Таким образом, семантическая сторона языка составляет часть его структуры и определяет его качество так же, как звуковая система языка, его грамматический строй или словарный состав.

3

Термин «лексическое» или, как в последнее время стали говорить, «смысловое значение слова» не может считаться вполне определенным. Под лексическим значением слова обычно разумеют его предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка. Общественно закрепленное содержание слова может быть однородным, единым, но может представлять собою внутренне связанную систему разнонаправленных отражений разных «кусочков действительности», между которыми в системе данного языка устанавливается смысловая связь. Разграничение и объединение этих разнородных предметно-смысловых отношений в структуре слова сопряжено с очень большими трудностями. Эти трудности дают себя знать в типичных для толковых словарей непрестанных смещениях значений и употреблений слова, в расплывчатости границ между значениями и оттенками значений слова, в постоянных разногласиях или разноречиях по вопросу о количестве значений слова и о правильности их определения.

Отсутствие ясности в определении понятия «лексическое значение слова» очень тяжело сказывается в практике словарного дела. В каждом толковом словаре пропускаются сотни, если не тысячи живых значений слов и изобретается множество несуществующих значений. Вот несколько иллюстраций из «Толкового словаря русского языка» под ред. проф. Д. Н. Ушакова. В слове *аллегория* выделено особое, самостоятельное значение: «Туманная, непонятная речь, нелепость (простореч.)». В качестве наиболее показательной иллюстрации его приводится фраза: *Ты мне аллегорий не разводи, а говори прямо*¹⁰. Но слово *аллегория* в общенародном языке не означает нелепости, хотя и может применяться для характеристики неясной, непонятной речи, например в речи гоголевского городничего из «Ревизора»: «А ведь долго крепился давеча в трактире, заламливая такие аллегории и екивоки, что, кажись, век бы не добился толку». У слова *багаж* найдено значение — «эрудиция, запас знаний»¹¹. И тут значение смешивается с употреблением. Только в соответствующем контексте и притом чаще всего в сочетаниях с определениями *умственный, научный, ученый* и т. п. у слова *багаж* возникает этот смысловой оттенок. Слову *баня* приписано отдельное значение: «Жара, парный, разгоряченный воздух» (*Какая у вас баня!*)¹². Но и это — лишь метафорическое применение основного значения слова *баня*. В прилагательном

¹⁰ «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, т. I, стр. 27. Ср. «Словарь современного русского литературного языка», т. I, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 95.

¹¹ «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, т. I, стр. 75.

¹² Там же, стр. 87.

безголовый отыскивается переносное значение «крайне рассеянный или забывчивый». Иллюстрации: *Ах, я безголовая: печку затопила, а трубу не открыла. Уж очень я безголова*¹³.

Академический «Словарь современного русского литературного языка» открывает в слове *безразличный* значение «ничем не отличающийся; одинаковый со всеми» и иллюстрирует его примером из «Обломова» Гончарова: «Цвет лица у Ильи Ильича не был ни румяный, ни смуглый, ни положительно бледный, а безразличный»¹⁴. Такие случаи немотивированного выделения и неправильного определения значений слов в большом количестве содержатся во всех толковых словарях современного русского языка.

Интересно наблюдать колебания наших лексикографов в решении вопроса, можно ли считать особым значением возникающие и развивающиеся формы переносного, образного употребления слова. Так, слово *беззубый* в своем прямом номинативном значении может сочетаться с названиями живых существ, а также со словами *рот*, *пасть* и синонимичными. Но это слово употребляется и переносно. Переносное употребление его типизировано и фразеологически замкнуто в узкий круг выражений: *беззубая критика*, *беззубая острота*, *беззубая насмешка* и т. п. Естественно, может возникнуть вопрос, имеем ли мы здесь дело с несвободным, фразеологически связанным значением или только с употреблением, еще не приведшим к общественно-установившемуся, обобщенному значению.

В академическом словаре русского языка под ред. Я. К. Грота, в словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, в одготомнике С. И. Ожегова утверждается наличие в этом слове особого переносного значения. Но определения, истолкования этого значения у разных лексикографов крайне противоречивы. В словаре под ред. Д. Н. Ушакова переносное значение слова *беззубый* толкуется очень субъективно: «бессильный, тупой, не способный повредить или обидеть» (*беззубая злоба*)¹⁵. В словаре С. И. Ожегова толкованию этого значения придается гражданский характер: «лишенный остроты, слабый, непринципиальный» (*беззубая критика*)¹⁶. Кроме слова *непринципиальный*, явно сюда не идущего, это толкование воспроизводит характеристику соответствующей фразеологии в академическом «Словаре современного литературного языка», но там переносное употребление слова *беззубый* с полным основанием не признается за особое самостоятельное значение.

В смысловой структуре слова, как и в других сторонах языка, есть элементы нового, элементы живые, развивающиеся, и элементы старого, элементы отмирающие, отходящие в прошлое. Например, слово *ярый* у нас вытесняется синонимом *яростный*, образованным от *ярость* (само же слово *ярость* возникло как производное отвлеченное существительное к *ярый*).

В современном русском языке *ярый* — за пределами народно-поэтических формул (*свеча воску ярого*) — обычно употребляется в ограниченном кругу фразеологических сочетаний: *ярый поклонник чего-либо*, *ярый сторонник*, *ярый любитель чего-нибудь*, в значении: «страстный, усердно преданный чему-нибудь, неистовый». Таким образом, *ярый* выражает лишь общую экспрессивную характеристику степени увлеченности кого-нибудь чем-нибудь. Прежние основные значения этого слова, хотя

¹³ Там же, стр. 106.

¹⁴ «Словарь современного русского литературного языка», т. I, стр. 360.

¹⁵ «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, т. I, стр. 110. Ср. в «Словаре русского языка, сост. Вторым отделением Имп. акад. наук» (под ред. Я. К. Грота), т. I, СПб., 1895, стр. 142: «*Беззубый*... бессильный» (*беззубая злость*).

¹⁶ «Словарь русского языка», сост. С. И. Ожеговым, М., 1952, стр. 32.

и не в полном объеме, как бы перешли к слову *яростный* — «неукротимый, неистовый, ничем не сдерживаемый» (*яростные атаки*), «полный ярости» (*яростный гнев*). Однако любопытно, что в других параллельных образованиях такого же типа складываются совсем иные отношения между соотносительными словами, например: *дерзкий* и *дерзостный*, *сладкий* и *сладостный*, *жалкий* и *жалостный*, *злой* и *злостный*, *тяжкий* и *тягостный*, *рад* и *радостен* и т. п.

Наблюдения над способами объединения разных значений в слове, а также над закономерностями словоупотребления приводят к выводу, что не все значения слов однородны или однотипны, что есть качественные различия в структуре разных видов лексических значений. Общеизвестно, что слово относится к действительности, отражает ее и выражает свои значения не изолированно, не в отрыве от лексико-семантической системы данного конкретного языка, а в неразрывной связи с ней, как ее составной элемент.

В системе значений, выражаемой словарным составом языка, легче всего выделяются значения прямые, номинативные, как бы непосредственно направленные на «предметы», явления, действия и качества действительности (включая сюда и внутреннюю жизнь человека) и отражающие их общественное понимание. Номинативное значение слова — опора и общественно осознанный фундамент всех других его значений и применений.

Основные номинативные значения слов, особенно тех, которые принадлежат к основному словарному фонду, очень устойчивы. Эти значения можно назвать свободными, хотя их свобода обусловлена социально-исторически и предметно-логически. Функционирование этих значений слов обычно не ограничено и не связано узкими рамками тесных фразеологических сочетаний. В основном, круг употребления номинативного значения слова, круг его связей соответствует связям и отношениям самих предметов, процессов и явлений действительного мира, например: *пить воду, квас, вино, чай, сидр, виноградный сок* и т. п.; *каменный дом, подвал, фундамент, пол, сарай* и т. п.; *щурить, прищурить глаза; силлабический стих, стихосложение*.

У слова может быть несколько свободных значений, в которых непосредственно отражаются разные предметы и явления действительности (ср. *шапка* — «головной убор» и «заголовок крупным шрифтом, общий для нескольких статей»).

Однако по отношению к основному номинативному значению все другие значения этого рода в слове являются производными. Эту производность вторичных номинативных значений нельзя смешивать с метафоричностью и с образностью. В той мере, в какой эти значения не отрываются от основного, они понимаются соотносительно с ним и могут быть названы номинативно-производными значениями. Часто они бывают уже, теснее, специализированнее, чем основное номинативное значение слова. Таково, например, у слова *капля* — *капли* номинативно-производное значение «жидкое лекарство, принимаемое по числу капель». Оно свойственно формам множественного числа — *капли*. Например, у Грибоедова в «Горе от ума»: «Не дать ли капель вам?». У Пушкина в «Скупом рыцаре»: «Он составляет капли... право, чудно, Как действуют они». Ср. у Тургенева в повести «Клара Милич»: «Прописал капли да микстуру».

Любопытно совмещение трех разновидностей номинативных значений в слове *трение*. Термин механики *трение* был использован для характеристики общественных отношений. Это произошло в литературном языке последней трети XIX в., не ранее 70—80-х годов. Слово *трение* до тех пор выражало лишь прямое значение: «действие по глаголам

тереть и *тереться*», «состояние трущихся один о другой предметов», «движение одного предмета по тесно соприкасающейся с ним поверхности другого». В механике это значение было переработано в понятие, и термин *трение* стал обозначать: «сопротивление движению, зависящее от взаимного прикосновения тел», или: «сопротивление движению, возникающее при перемещении тела, соприкасающегося с другим телом» (*трение скольжения, сила трения* и т. п.)¹⁷. При переносе на общественные отношения слово *трение* обычно облекается в формы множественного числа и вырабатывает значение: «споры, нелады, столкновения, разногласия между отдельными лицами или учреждениями, препятствующие нормальному ходу дел, враждебные столкновения». М. И. Михельсон отметил это новое значение в речи А. Ф. Кони «Памяти С. И. Зарудного» (в Собр. юрид. общ. 1899 г.): «Новая судебная практика, как всякое новое дело, вывела различные *трения* и шероховатости...»¹⁸.

В системе языка номинативно-производное значение слова (так же, как и терминологическое, научное) не может быть оторвано от основного свободного. Поэтому утверждение, будто бы слово в своем основном значении может входить в основной словарный фонд, а в «переносном или специальном» находится за его пределами, является ошибочным¹⁹.

Два или больше свободных номинативных значения могут совмещаться в одном слове лишь в том случае, если одно или два из них являются производными от основного (по крайней мере, понимаются как такие в данный период развития языка). Если же такой связи между значениями нет, то мы имеем дело уже с двумя омонимами. В решении этого вопроса очень помогает также анализ морфологической структуры слова. Глагол *убрать* в словаре под ред. Д. Н. Ушакова (и в однотомнике С. И. Ожегова) рассматривается как одно многозначное слово, в котором будто бы сливаются значения: «взять прочь, унести, поместив куда-нибудь» (*убрать книги в шкаф, убрать посуду со стола*), а также специальное: «сжав, скосив, увезти с поля» (*убрать зерновые*), и такие, как «привести в порядок», «украсить, нарядить» (*убрать помещение, убрать комнату цветами*). Но объединение таких разнородных номинативных значений (ср., например, *убрать посуду со стола* и *убрать помещение, убрать комнату цветами*) — явно ошибочно. Эти значения не выводятся одно из другого, они не являются производными по отношению друг к другу. Об этом свидетельствует и различие морфологической структуры двух глаголов: одного с приставкой *у-* для обозначения направления движения в сторону (ср. *унести*) и другого — с непроизводной основой *убра-* (ср. *убор* «головной убор», *уборная, убранство*).

Кроме возможности совмещения в одном слове разных номинативных значений, необходимо обратить внимание еще на то обстоятельство, что свободные номинативные значения, за исключением значений терминологических, научно препарированных, могут быть опорными или исходными пунктами разных синонимических рядов.

У многих слов, принадлежащих как к основному словарному фонду, так и к прочей части словарного состава языка, есть стилистические синонимы в разных пластах или слоях лексики. Значительная часть этих синонимов лишена прямого, свободного номинативного значения. Подобные синонимы выражают свое основное значение не непосред-

¹⁷ См.: «Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отделением Имп. акад. наук», 2-е изд., т. IV, СПб., 1868, стр. 619; «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, т. IV, М., 1940, стр. 784.

¹⁸ М. И. Михельсон, Русская мысль и речь, т. II, стр. 385.

¹⁹ См. Е. М. Мельцер, Об основном словарном фонде и словарном составе языка, «Иностр. языки в школе», М., 1951, № 6, стр. 30.

ственно, а через то семантически-основное или опорное слово, которое является базой соответствующего синонимического ряда и номинативное значение которого непосредственно направлено на действительность. Например, глагол *облечь* является книжно-торжественным синонимом слова *одеть* и употребляется прежде всего для выражения значения *одеть* в соответствующем стилистическом контексте. Его основное значение не свободно-номинативное и не производно-номинативное, а экспрессивно-синонимическое, опосредствованное его отношением к глаголу *одеть*. Ср. у И. А. Гончарова в «Письмах столичного друга к провинциальному жениху»: «Да неужели ты никогда не испытывал роскоши прикосновения к телу батиста, голландского или ирландского полотна? Неужели, несчастный, ты не *облекался* в такое белье... извини, не могу сказать *одевался*: так хорошо ощущение от такого белья на теле; ведь ты говоришь же *облекаться* в греческую мантию; позволь же и мне прибегнуть в этом случае к высокому слогу: ты поклонник древнего, а я нового: *suum cuique*»²⁰.

Само собой разумеется, что на основе экспрессивно-синонимического значения могут развиваться другие, но только фразеологически связанные значения и употребления слова (ср. *облечь властью, доверием, полномочиями* и совсем изолированно: *облечь тайной*). В истории лексики мы можем наблюдать самый процесс создания такого рода синонимических рядов. Так, глагол *прикипать* — *прикипнуть*, широко употребительный уже в древнерусской письменности, до начала XIX в. имел значение «наклоняся, смотреть, глядеть вниз», или просто «наклоняться, нагибаться»²¹. Но уже в начале XIX в. в языке русской художественной литературы глагол *прикипнуть* — *прикипать*, в силу своей экспрессивности, приобретает общее эмоциональное значение «припасть, плотно прижаться, прильнуть». Например, у Жуковского в стихотворении «Лесной царь»: «К отцу, весь издрогнув, малютка прикип...»; у Пушкина в «Пророке»: «И он к устам моим прикип...» Так глагол *прикипнуть* входит в синонимический ряд — *прижаться, прильнуть, припасть* как эмоционально-книжное слово.

Однако смысловая структура и функция у разных типов синонимов неоднородны; характер соотношений их значений с номинативными значениями опорных или исходных слов синонимического ряда неодинаков. В зависимости от степени дифференцированности собственного значения, от его предметно-смысловых и экспрессивно-стилистических оттенков экспрессивный синоним может выражать и свободное номинативное значение, не передаваемое другими словами того же синонимического ряда, хотя и соотносительное с ними. Так, в качестве синонима слов *недисциплинированность, неорганизованность, распущенность, разболтанность* в русском литературном языке в начале XX в. стало применяться слово *расхлябанность*.

Слова *расхлябанный* и *расхлябанность* сформировались на основе областных северновеликорусских глаголов *расхлябать* и *расхлябаться*²².

²⁰ «Фельетоны сороковых годов. Журнальная и газетная проза И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева», М.—Л., «Academia», 1930, стр. 78—79.

²¹ См.: «Синайская псалтырь», изд. Северьянова, Словарь, Пг., 1922, стр. 339; И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, СПб., 1902, стр. 1437; «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный», СПб., 1822, ч. V, стр. 371; «Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отделением Имп. акад. наук», 2-е изд., т. III, СПб., 1867, стр. 1015.

²² Например, в холмогорском говоре *расхлябаться*: 1) «расшататься, потерять устойчивость», 2) «разболеться, одряхлеть» [А. Грандильевский, Родина Михаила Васильевича Ломоносова, СПб., 1907 (сб. ОРЯС Имп. акад. наук, т. LXXXIII, №5), стр. 260]. Ср. *хлябать* «обнаруживать непрочность, расшатываться, ломаться» (там

В литературный язык они проникли не непосредственно из народной областной речи, а через посредство профессиональной рабочей терминологии (*винты расхлябались* и т. п.). Ср. в рассказе Г. Яблочкова «Инвалид» (1915): «Ну, капитан, — успокоительно заметил энергичный поручик, — полечитесь и побольше. Надо произвести основательный ремонт. У вас здорово таки расхлябались все винты»²³.

Слово *расхлябанность* в разговорной речи и в составе произведений газетно-публицистического жанра получило свои индивидуальные характеристические предметно-смысловые приметы, повидимому, в силу своей бóльшей выразительности, чем слова *недисциплинированность*, *неорганизованность*, и меньшей фамиллярности, чем слово *разболтанность*.

Точно так же имеет свою номинативную специфику слово *пошиб* — соотносительно с основными словами своего синонимического ряда — *стиль*, *манера*. Слово *пошиб* в древнерусском языке служило для обозначения стиля иконописания. К XVIII в. оно выходит из литературного употребления и возрождается лишь в 50—60-х годах XIX в. в более общем и широком значении — «стиль чего-нибудь». Тут смысловая сфера экспрессивного синонима выходит за пределы бытовых значений и употреблений основного, опорного слова небольшой синонимической группы, связанной со словом *стиль*.

И. Т. Кокорев прямо предлагал заменить заимствованное слово *стиль* народнорусским *пошиб*²⁴. Но в слове *пошиб* развились своеобразные смысловые оттенки, сближающие его не только со словами *стиль*, *манера*, *характер*, но и со словами типа *повадка*, *замашки* и т. п. Ср. у Бодуэна де Куртене в дополнениях к словарю Даля: *молодец новременского пошиба*; у Достоевского в «Бесах»: *отставной армейский капитан нахального пошиба*; у Тургенева в «Нови»: «Нежданов тотчас почувствовал, что они оба, эта угрюмая девушка и он, — одних убеждений и одного пошиба». В черновых набросках этого романа, о Паклине: «Как будто имеет пошиб политика, но это только по наружности...»²⁵.

Таким образом, своеобразия экспрессивно-синонимических значений многих слов определяются характером и видами их соотношений с номинативными значениями опорных, исходных слов соответствующего синонимического ряда. Между тем фразеологически связанные значения слов вообще не могут служить базой, основой синонимического ряда, хотя и допускают синонимические «заменители».

В языке художественной литературы соотносительные и однородные значения близких синонимов могут быть индивидуально противопоставлены одно другому, как обозначения разных предметов, хотя и принадлежащих к одному и тому же виду или роду, но качественно отличных. В «Молодой гвардии» Фадеева: «У Вали глаза были светлые, добрые, широко расставленные... А у Ули глаза были большие темнокарие, не глаза, а очи...» С другой стороны, в языке художественной литературы как соотносительные и даже синонимические слова могут быть сопоставлены обозначения разных предметов. У Лескова в очерке «Колыван-

же, стр. 293). Любопытно, что севернорусским говорам известно и слово *хлябь* в значении «пасть, зев». Проф. Е. Ф. Будде готов был признать северным провинциализмом употребление слова *хлябь* в одическом стиле М. В. Ломоносова (Е. Ф. Будде, Нескольким заметок из истории русского языка, ЖМНП, СПб., 1898, март, стр. 157—158 и 172).

²³ «„День печати“. Клич». Сборник на помощь жертвам войны. Под ред. И. А. Бунина, В. В. Вересаева, Н. Д. Телешова, 2-е изд., М., 1915, стр. 218.

²⁴ И. Т. Кокорев, Очерки и рассказы, ч. III, М., 1858, стр. 325—326.

²⁵ См. А. Мазон, L'élaboration d'un roman de Tourgenев, «Revue des études slaves», t. V, f. 1—2, Paris, 1925, стр. 91.

ский муж»: «— Да, это перст божий.— Ну, позвольте... уже вы хоть перст-то оставьте.— Отчего же? Когда нельзя понять, надо признать перст.— А я скорее согласен видеть в этом чей-то шиш, а не перст».

4

Связь значений в смысловой структуре слова, способы сочетания слов и значений в речи определяются внутренними семантическими закономерностями развития языковой системы. Здесь кроются основания и условия исторически сложившихся ограничений в правилах связывания значений слов и в семантических сферах их употребления. Вот почему далеко не все значения слов в живой функционирующей лексической системе непосредственно направлены на окружающую действительность и непосредственно ее отражают. И в этой сфере язык представляет собой продукт разных эпох. Многие значения слов замкнуты в строго определенные фразеологические контексты и используются для обмена мыслями в соответствии с исторически установившимися фразеологическими условиями их употребления. Многие слова в современной языковой системе вообще не имеют прямых номинативных значений. Они существуют лишь в составе немногочисленных фразеологических сочетаний. Их значение выделяется из этих сочетаний чаще всего путем подстановок синонимов.

Однако и прямое номинативное значение слова может быть очень узким и очень ограниченным в своих предметно-смысловых возможностях. Например, в прилагательном *безвыходный* основное номинативное значение относительного прилагательного «без выхода, без ухода» в русском литературном языке XIX в. реализуется лишь в словосочетании *безвыходное сидение дома* или *безвыходный домосед*²⁶. В силу узости реального значения это слово толкуется в словарях неправильно, посредством мнимых, очень широких синонимов. В словаре под ред. Д. Н. Ушакова: «неотлучный, непрерывный», у С. И. Ожегова: «непрерывный, без отлучек куда-нибудь», в академическом словаре современного русского литературного языка: «безотлучный, постоянный». Круг применения основного номинативного значения слова *безвыходный* ограничен его реальным содержанием. Вот тут-то и обнаруживается глубокое качественное различие между основным номинативным и фразеологически связанным значением слова. Фразеологически связанным является отвлеченно-переносное значение слова *безвыходный*: «такой, из которого невозможно найти выход, исход; безрадостный» (*безвыходное положение*). В литературном языке XIX в. употреблялись сочетания *безвыходная печаль* (Достоевский, Хозяйка), *безвыходное отчаяние* (Герцен, Кто виноват?) и др. Но в современном русском языке такое употребление слова *безвыходный* вытесняется словом *безысходный* (*безысходная грусть, печаль; безысходное отчаяние*). Например, у Горького в рассказе «Коновалов»: «Спокойное отчаяние, безысходная тоска звучала в песне моего товарища». Здесь фразеологическая связанность совсем не вытекает ни из этимологического значения слова, ни из его прямого отношения к соответствующему качеству (ср. невозможность сочетаний *безысходное положение, безысходная трагедия, безысходная катастрофа* и т. п.).

Глагол *отвратить*, если оставить в стороне устарелое значение «повернуть в сторону» (*со страхом очи отвратила*), употребляется в значении «предупредить что-нибудь» (тяжелое, неприятное), «помешать осу-

²⁶ Ср. у А. Н. Островского в пьесе «Волки и овцы» (действие I, явление 8-е) слова Мурзавецкой: «Смотреть за Аполлоном Викторовичем, чтобы ни шагу из дому! Вели людям сидеть в передней безвыходно».

ществу чему-нибудь» лишь в сочетании с небольшим числом отвлеченных существительных: *отвратить опасность, беду, несчастье, угрозу чего-нибудь* (ср. *предотвратить*).

Таким образом, многие слова или отдельные значения многих слов, преимущественно переносного или синонимического характера, ограничены в своих связях. Эти значения могут проявляться лишь в сочетании со строго определенными словами, т. е. в узкой сфере семантических отношений. Вокруг многозначного слова группируется несколько фразеологических серий. Большая часть значений слов фразеологически связана. Иметь разные значения для слова чаще всего значит входить в разные виды семантически ограниченных фразеологических связей. Значения и оттенки значения слова большей частью обусловлены его фразовым окружением.

Фразеологически связанное значение лишено глубокого и устойчивого понятийного центра. Общее предметно-логическое ядро не выступает в нем так рельефно, как в свободном значении. Оно не вытекает ни из функций составляющих слово значимых частей (если это слово производное), ни из отношений этого слова к реальной действительности. Значение этого рода — «рассеянное»: оно склонно дробиться на ряд оттенков, связанных с отдельными фразеологическими сочетаниями.

Например, глагол *отрасти*, хотя и определяется в толковых словарях общей формулой «достигнуть в росте каких-нибудь размеров», обычно применяется лишь по отношению к волосам, усам, бороде, ногтям. В других случаях говорится *вырасти* (ср. значения слова *отросток*: «побег, отходящий от стебля или корня» и «ответвление»). Однородные ограничения словесных связей действительны и в отношении глаголов *отрастить* (волосы, усы, бороду, ногти) и *отпустить* (себе).

В русском литературном языке с XV до конца XVIII в. славянизм *чреватый* (ср. народно-областное *черевистый*) употреблялся как синоним народных слов простого стиля *брюхатый, беременный, пузатый*. Как слово грубое, незлегантное, он не вошел в целый ряд стилей литературного языка: мы не найдем его у Карамзина, Батюшкова, Жуковского, Пушкина. В русском литературном языке начала XIX в. слово *чреватый* стало архаизмом и применялось по большей части с экспрессией иронии; употребление его было характерно для среды приказной, купеческой, для среды духовенства, разночинцев. В переносном употреблении оно было свойственно архаическим стилям стихотворного языка (ср. эпитет *громочреватый*). В переносном же значении это слово проникает в область научной и публицистической речи. В 30—40-х годах XIX в. в научно-публицистических сочинениях оно применяется со значением: «способный вызвать, породить что-нибудь» (какие-нибудь последствия, события)²⁷. В пародической книжке «О царе Горохе. (Подарок ученым на 1834 год.)» читаем: «...все, по его мыслительности, чревато силою, все поставлено над ним...»²⁸. В письме Е. А. Колбасина к Тургеневу (от 29 сентября 1856 г.): «Мы пока что только чреваты надеждами, дай-то бог, чтобы хоть половина их исполнилась»; у Салтыкова-Щедрина в «Пестрых письмах»: «Почем вы знаете, чем чревато будущее»; у Стасова в статье «Академическая выставка 1863 г.»: «И за этакую картину академия дает нынче профессорство? Шаг решительный, profession de foi, важный, чреватый последствиями».

²⁷ Это значение поддерживалось и употреблением французского *gros* (ср. *événements gros de conséquences* «события, чреватые последствиями»; *le présent est gros de l'avenir* «настоящее чреватое будущим»).

²⁸ «Русская старина», т. XXII, СПб., 1878, стр. 356.

В рецензии на сочинение А. Г. Дювернуа «Об историческом наслонении в славянском словообразовании» И. Г. Прыжов неодобрительно замечал: «С первой и до последней страницы диссертации в ней не найдете и не услышите ничего другого, как только: ...при этих средствах мы хорошо объясним себе чреватость значения слова „медь“ в славянизме, суффикс, имеющий весьма чреватое словообразовательное значение — ошибка, чреватая последствиями... и так далее, далее, далее»²⁹. Так слово *чреватый*, утратив свое прямое номинативное применение, развивает фразеологически связанное значение и реализует его в сочетании с формой творительного падежа ограниченной группы отвлеченных существительных (чаще всего с формой *последствиями*).

У синонимов могут развиваться и вполне синонимичные, фразеологически связанные значения. Яркий пример — глаголы *впасть* и *ввалиться*. У глагола *ввалиться* одно из его значений — фразеологически связанное, синонимическое с глаголом *впасть*: «глубоко осесть, стать впалым». Это значение реализуется в сочетании со словами — *глаз (глаза), щека (щеки), рот, губы, грудь, бока*. Например, у Пушкина в «Гробовщике»: «...*ввалившиеся рты*»; у Тургенева в повести «Странная история»: «Губы до того *ввалились*, что среди множества морщин представляли одну — поперечную»; у В. Шишкова: «бока у лошади от бескормицы *ввалились*» («Алые сугробы», VII). Любопытно индивидуально-метафорическое употребление глагола *ввалиться* у Л. Андреева в повести «Губернатор»: «Дальше опять домишки и три подряд голые, кирпичные корпуса без орнаментов, с редкими *ввалившимися* окнами».

Глагол *впасть* характерен тем, что его прямое номинативное значение устарело и вышло из употребления (ср. древнерусск. *впасть в яму, ров* и т. п.). Для выражения этого глагола стали употребляться глаголы *упасть* и *попасть* (ср. *упасть в яму* и *попасть в яму*). Лишь в формах несовершенного вида сохранилось номинативное значение «втекать», «вливаться» (о реках, ручьях). В формах совершенного вида у глагола *впасть* закрепилось значение «стать впалым», синонимичное такому же значению глагола *ввалиться*. Оно связано лишь со словами *щеки, глаза (очи)*, реже *рот, губы, виски, грудь, бока*. У Лермонтова: «бледные щеки *впали*» («Бэла»); у Чехова в рассказе «Припадок»: «Лицо его было бледно и осунулось, виски *впали*». Это фразеологически связанное значение соотносительно со значением слова *впалый*, круг применения которого гораздо уже, чем слова *впадина* (ср. *впалые глаза, впалые щеки, впалая грудь*). Истолкование значения прилагательного *впалый* при посредстве слова *впадина* в словаре С. И. Ожегова должно быть признано ошибочным³⁰.

Другое значение глагола *впасть*, также фразеологически связанное, но вместе с тем и конструктивно обусловленное — полувспомогательное: «начать испытывать какое-нибудь состояние (тягостное, предосудительное)» или «проявлять признаки чего-нибудь (расцениваемого отрицательно)»: *впасть в бешенство, в отчаяние, в сомнение, в грусть, в тоску, в бедность, в ничтожество, в ересь, в противоречие, в шарж, в крайность, в пошлый тон* и т. п.

Изучение изменений фразеологических связей слов в развитии русской литературной лексики помогает уяснить закономерности того сложного процесса, который переживали славянизмы после распада системы

²⁹ Газ. «Голос», СПб., 1867, № 207.

³⁰ Ср. в словаре под ред. Д. Н. Ушакова: «*Впалый*, -ая, -ое. Вдавшийся внутрь, ввалившийся. *Впалые щеки. Впалые глаза* (т. I, стр. 384). В одготомнике С. И. Ожегова: «*Впалый*, -ая, -ое. Образующий впадину, вдавшийся внутрь, вогнутый. *Впалая грудь*» (стр. 84).

трех стилей в русском литературном языке XIX в. В качестве иллюстрации можно воспользоваться семантической историей глагола *поглотить* — *поглощать*. В памятниках древнерусской письменности слово *поглотить* выражало два значения: 1) прямое конкретное: «проглотить, пожрать, съесть» с оттенком: «принять в себя, в свои недра» (о земле и море) и 2) в обобщенном смысле «уничтожить».

С некоторым видоизменением оттенков и расширением фразовых связей эти значения, в основном, сохраняются и в русском литературном языке XVIII в. Ср. иллюстрации этих значений в «Словаре Академии Российской» и в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г.: *Кит поглотил Иону. Море поглощает корабли. Бездна поглотила упавшего с высоты утеса. Время все поглощает*³¹. Ср. у Пушкина в «Евгении Онегине»: «И память юного поэта Поглотит медленная Лета».

Однако в начале XIX в. у этого глагола вырисовываются новые фразеологические связи. На основе первоначального основного значения (которое вытесняется бытовыми синонимами — *проглотить*, *съесть* и т. п.) развиваются значения переносные, обращенные на умственные, духовные объекты действия: *поглотить много книг; поглощать новые сведения, известия*. При отвлеченных или конкретно-вещественных субъектах и объектах возникают и распространяются разнообразные смысловые оттенки: «вобрать в себя» (*поглотить влагу, поглощать лучи*); «потребовать на себя много чего-нибудь» (какого-нибудь расхода времени, энергии и т. п.), «вызвать затрату, потерю чего-нибудь»: *Путешествие поглотило массу денег; Работа поглотила много энергии*. В русском литературном языке с середины XIX в. устанавливается семантическое соотношение между глаголами *поглотить* и *погрузиться* — в отвлеченных переносных значениях. Ср. у Григоровича: «...живет... безвыездно в своих „Золотых привольях“, поглощенный (погруженный.— В. В.) в созерцание гнедых рысаков и саврасых скакунов» («Проселочные дороги»); у Тургенева: «... другие заботы ее поглощали» («Первая любовь»); ср. у Пушкина: «В заботы суетного света Он малодушно погружен»; у Некрасова: «Служба всю мою жизнь поглощала» (стихотв. «Газетная»).

Точно так же глагол *пробудить*, который сначала являлся синонимом глагола *разбудить*, с развитием переносных отвлеченных значений в русском литературном языке с конца XVIII в. замыкается в узком кругу фразеологических связей. В словарях Академии Российской конца XVIII и начала XIX в. *пробуждать* — *пробудить* рассматривается как слово среднего стиля, имеющее одно прямое значение: «прервать сон». Ср. *пробуждаться* — «просыпаться, приходиться после сна в чувство»; *пробуд* — «время прекращения сна» (*Пред самым пробудом снилось, грезилось*)³².

Однако уже со второй половины XVIII в. из стилей художественной литературы все глубже входит в систему национального литературного языка переносное значение слова *пробудить*—*пробуждать*: «возбуждать, подстрекать», как определяет это значение «Словарь церковнославянского и русского языка» (*Рассказы путешественников пробудили в нем желание побывать в чужих краях*)³³. Параллельно протекает процесс развития отвлечен-

³¹ См.: «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный», ч. IV, СПб., 1822, стр. 1200; «Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отделением Имп. акад. наук», т. III, СПб., 1847, стр. 244.

³² См. «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный», ч. V, стр. 492.

³³ «Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отделением Имп. акад. наук», т. III, стр. 516.

ченных значений *ц* в глаголе *пробуждаться* (ср.: *страсти пробуждаются*).

В дальнейшем история изменений значений глагола *пробудить* — *пробуждать* и глагола *пробудиться* — *пробуждаться* разошлась. В глаголе *пробудить* — *пробуждать* прямое значение все более вытеснялось употреблением синонимов *будить*, *разбудить* (кого-нибудь), но на основе его развилось переносное значение «кого-нибудь возбудить, сделать активным, деятельным», например: *пробудить к активной деятельности*³⁴. В глаголе же *пробудиться* — *пробуждаться* сохранилось и основное значение — «проснуться, перестать спать», и развившееся из него переносное (ср.: *пробудиться к новой деятельности*, или у Пушкина: «Во мне пробудилась охота к литературе»). Таким образом, в современном русском языке (так же, как и в литературном языке второй половины XIX в.) глагол *пробудить* выражает только отвлеченные фразеологические связанные значения «породить, вызвать появление чего-нибудь» (*пробудить интерес, охоту, желание, страсть к чему-нибудь* и т. п.).

Сходные, хотя и с индивидуальными вариациями, процессы образования фразеологически связанных значений — в связи с утратой или ослаблением основных номинативных значений — можно наблюдать в семантической истории таких славянизмов, как *потрясти* — *потрясть*, *возмутить* — *возмутить*, *распространить* — *распространять* и т. п.

5

Различение свободных и фразеологически связанных значений слова помогает точнее и яснее представлять как семантические границы, так и смысловой состав слова, систему всех его значений. Разграничение свободных и фразеологически связанных значений особенно важно для теории и практики лексикографии. В выделении и определении фразеологически связанных значений слов особенно легко ошибиться, так как их применение не дает достаточных средств для проверки их значения³⁵.

При смешении свободных и фразеологически связанных значений неизбежны подмены семантических характеристик отдельного слова описанием общего смысла тех фраз, в которые входит это слово. Например, в словаре под ред. Д. Н. Ушакова одно из предполагаемых трех значений разговорного слова *отделаться* характеризуется так: «испытать что-нибудь незначительное вместо большой беды, неприятности» (*При катастрофе отделаться испугом; Отделаться царяпиной; Дешево отделался*)³⁶. Но глагол *отделаться* вовсе не выражает значения «испытать, пережить что-нибудь незначительное»; он здесь значит «избавиться, ограничившись чем-нибудь». Неясно, почему другое значение того же слова, тоже признанное за самостоятельное, определяется так: «не желая выполнить всего, что надо, ограничиться чем-нибудь (немногим, несущественным)»: *Отделаться пустым обещанием; Отделаться пятью рублями*. И тут определяется не значение самого слова, а общий смысл подобранных примеров.

В толковых словарях русского языка, например в словаре под ред. Д. Н. Ушакова, постоянны такого рода подмены истолкования значения слова описанием смысла всей фразы. Например в глаголе *обвести* одно

³⁴ См. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, т. III, М., 1939 стр. 895.

³⁵ Ср. Ж. В а н д р и е с, Язык [русск. перевод], М., Сопэкгиз, 1937, стр. 106.

³⁶ «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, т. II, М., 1938, стр. 917. Ср. в «Словаре русского языка», сост. С. И. Ожеговым, стр. 421.

из значений определяется так: «оглядеть, окинуть взором», и приводится такой пример из Чехова: «Машенька обвела удивленными глазами свою комнату»³⁷. В том же словаре значение глагола *прибрать* характеризуется так: «убрать, отодвинуть в сторону». Эта характеристика целиком навеяна примером: *Прибрать книги к сторонке*³⁸.

В глаголе *лопнуть* словарь под ред. Д. Н. Ушакова выделяет пять значений: «1. Треснув, прийти в негодность, разломаться, получить трещину (о полых предметах). *Лопнул стакан. Лопнул пузырь. Лопнул мяч.* 2. Треснув, разорваться (о натянутом). *Канат лопнул. Струна лопнула. Брюки лопнули по шву*»³⁹. 3. *перен.* Потерпев крах, полную неудачу, прекратиться, перестать существовать (разг.). *Банк лопнул. Все дело лопнуло.* 4. *перен.* Истошиться, исчезнуть (разг.). *Терпение лопнуло*⁴⁰. 5. *перен.* Не выдержать сильного физического или психического напряжения (простореч. фам.). *Можно лопнуть со смеху. Чуть не лопнул со злости, от зависти*»⁴¹.

Очевидно, что в выражениях *терпение лопнуло, надежды лопнули* осуществляется лишь метафорическое употребление глагола *лопнуть* в основном значении «треснув, разломаться или разорваться». Во всяком случае, *терпение лопнуло* — это не значит, что терпение исчезло, и даже не значит, что оно истошилось. Кроме того, ведь иначе как в сочетании со словами *терпение* и *надежды* слово *лопнуть*, кажется, и не употребляется в этом метафорическом смысле. Значение же «не выдержать сильного физического или психического напряжения» является несвободным и выделяется лишь потенциально из нескольких устойчивых фразеологических оборотов: *лопнуть со смеху, со злости, от злости, от зависти*.

Количество фраз, группирующихся вокруг того или иного связанного значения слова и образующих своеобразную замкнутую фразеологическую серию, может быть очень различно — в зависимости от семантических потенциалов, от вещественно-смысловой рельефности этого значения, от характера его выделяемости. Кроме того, степень тесноты, замкнутости и слитности фраз, характер образности, а вследствие этого и степень несамостоятельности словесных компонентов фраз также могут быть очень разными. Например, глагол *замять* — *заминать* со значением «приостановить, пресечь дальнейшее развитие чего-нибудь (неприятного), умышленно не дать ходу» в разговорно-литературной речи встречается в очень узком контексте; он сочетается с немногими объектами: *замять дело, разговор, какую-нибудь выходку, неприятное впечатление*. У Гоголя в «Мертвых душах» сказано: «Замять неуместный порыв восторгания». У Достоевского в «Подростке» встречается индивидуальное фразеологическое сочетание *замять слух*: «И даже и теперь не знаю, верен ли этот слух; по крайней мере, его всеми силами постарались замять». Толстовское выражение *замять кого-нибудь* (в «Войне и мире»: «Анатоля Курагина... — того отец как-то замьял») противоречит современному словоупотреблению. Еще более тесны фразеологические связи глагола *затаить* (*затаить обиду в душе, глубоко затаить месть, затаить злобу*).

³⁷ См. словарь под ред. Д. Н. Ушакова, т. II, стр. 614; ср. в словаре С. И. Ожегова, стр. 376.

³⁸ Словарь под ред. Д. Н. Ушакова, т. III, стр. 765; ср. в словаре С. И. Ожегова, стр. 535.

³⁹ В словаре С. И. Ожегова оба эти значения объединяются. Они связываются с полыми и натянутыми предметами. К этим же предметам причислен и тот человек, который *чуть не лопнул от смеха* (стр. 290).

⁴⁰ В словаре С. И. Ожегова это значение также почему-то соединено с предшествующим. *Лопнувшее терпение* ставится рядом с *лопнувшим делом*.

⁴¹ Словарь под ред. Д. Н. Ушакова, т. II, стр. 90.

Крайнюю ступень в ряду фразеологических сочетаний занимают обороты, включающие слова с единичным употреблением. Например, книжное слово *преклонный* встречается только в выражениях «преклонный возраст», «преклонные лета» или «года». Понятно, что в индивидуальном стиле оно может сочетаться и с каким-нибудь другим синонимом слова «возраст». Так, у Некрасова: «Безмятежней аркадской идиллии Закачтятся преклонные дни».

Приведенное в словаре под ред. Ушакова выражение *преклонный старик*⁴² кажется не вполне правильным. Слово *преклонный* понимается как синоним слов *старый*, даже *престарелый*, но с несколько стертым значением. Поэтому уже в словаре Академии Российской слово *преклонный* в этом употреблении не признается за отдельную лексическую единицу; оно рассматривается лишь в составе фраз: *преклонный век, лета* — «старость, пожилые годы»⁴³. Однако в словаре церковнославянского и русского языка 1847 г. из этого употребления извлекается особое значение: «приближающийся к концу» (о возрасте и летах)⁴⁴. По тому же пути идет и словарь под ред. Д. Н. Ушакова: «*Преклонный*, -ая, -ое (книжн.). Перешагнувший через зрелые года, приближающийся к глубокой старости, к смерти (о возрасте)»⁴⁵.

Таким образом, границы между фразеологически связанным значением слова и фиксированным употреблением его как неотделимого элемента одного-двух фразеологических оборотов оказываются в некоторых случаях зыбкими, не вполне определенными. И все же необходимо отличать фразеологически связанное, несвободное значение слова от оборота в нескольких фразеологических единствах, близких по смыслу. Например, в словаре под ред. Д. Н. Ушакова выделено в особое значение (7) употребление слова *курс* в таких соотносительных выражениях: *быть в курсе* (чего), *держать* (кого) *в курсе* (чего), *войти в курс* (чего), *вести* (кого) *в курс* (чего). Из этих образных фразеологических оборотов извлекается такое мнимое значение слова *курс*: «осведомленность, знание последних фактов и достижений в какой-нибудь области»⁴⁶. Но такого значения у слова *курс*, разумеется, нет. Все обороты, в которых это значение усматривается, сложились на базе основного значения этого слова «течение», «направление движения».

Следовательно, от значения слова отличается его употребление. Употребление — это или след былых применений слова, не создавших особого значения, или новое применение одного из значений слова в индивидуальном, не вполне обычном фразеологическом окружении, в своеобразной ситуации, с новой образной направленностью. При переносном или композиционно осложненном применении слова в каком-нибудь из его основных значений возникают новые, своеобразные смысловые оттенки. Однако эти семантические нюансы не образуют самостоятельного значения. Они легучи, изменчивы, иногда даже трудно уловимы. Они не свойственны общему языку, хотя и общепонятны. Например, академическим словарем русского языка зарегистрировано употребление причастия от глагола *лаять* в фразеологическом сочетании: *лающий голос* (не о собаке)⁴⁷. Ср. у Салтыкова-Щедрина в «Благонамеренных речах»: «Из внутренностей его, словно из пустого пространства ... вы-

⁴² См. словарь под ред. Д. Н. Ушакова, т. III, стр. 737.

⁴³ См. «Словарь Академии Российской», ч. V, 1822, стр. 213.

⁴⁴ «Словарь церковнославянского и русского языка», т. III, стр. 441.

⁴⁵ См. словарь под ред. Д. Н. Ушакова, т. III, стр. 737.

⁴⁶ Словарь под ред. Д. Н. Ушакова, т. I, стр. 1555.

⁴⁷ «Словарь русского языка, сост. Вторым отделением Имп. акад. наук», т. V, вып. 1, Пг., 1915, стр. 284.

летал громкий, словно лающий голос»; у Куприна в рассказе «Мелозга»: «Он угрюм, груб, у него лающий голос». Академический словарь приводит также выдержку из журнала «Солнце России» (1913, № 52): «„Врешь!“ — лающим голосом опять крикнул кто-то из окружающих нас».

Форма *лающий* здесь не выражает нового самостоятельного значения. О новом значении нельзя говорить уже по одному тому, что словосочетание *лающий голос* единично (ср., впрочем, *лающий кашель*). Другие связи этого рода у формы *лающий* возможны лишь в индивидуальном употреблении (например: *лающие звуки*, *лающая речь* и т. п.). Кроме того, *лающий* в выражении *лающий голос* присоединяет к основному значению глагола *лаять* лишь качественный оттенок: «как бы лающий» (ср. у Салтыкова-Щедрина: *словно лающий*), т. е. «похожий на лай» (короткий, отрывистый, хриплый). В этом случае можно говорить только об употреблении, а не о новом значении. Между тем в словаре Ушакова форма *лающий* выделена в самостоятельное слово именно из-за этого употребления, которое принято за особое значение⁴⁸.

История значений слова неразрывно связана с историей фразеологических оборотов. Во фразеологических сочетаниях воплощаются общие закономерности, управляющие связью значений в пределах данной семантической системы. Новые, индивидуальные употребления слова дают себя знать сначала в отдельных фразеологических сочетаниях. На основе их может затем выкристаллизоваться общее фразеологически связанное, несвободное значение.

Вместе с тем угасание значения слова далеко не всегда приводит к исчезновению всех относящихся сюда контекстов его употребления. Очень часто сохраняются осколки старого значения или архаического выражения в двух-трех фразеологических сочетаниях. Например, слово *личина* в значении «маска» и переносном — «притворная, искусственно созданная видимость, обманчивая или обманная внешность» постепенно утрачивается в русском языке. Но это переносное значение еще теплится в двух-трех выражениях и фразеологических оборотах: *это — одна личина, под личиною чего-нибудь* [«Прямой был век покорности и страха, Все под личиною усердия к царю» (Грибоедов)], *надеть личину кого-нибудь или чего-нибудь* «прикидываться кем-нибудь».

Разъединение фразеологических сочетаний также приводит к образованию новых выражений и новых смысловых оттенков. Например, глагол *напиться* (так же, как и его экспрессивные синонимы *нализаться* и т. п.) в разговорно-фамильярной речи сочетается с выражением *до чортиков* (ср. *до зеленого змия*) в значении «до крайней степени опьянения, до галлюцинаций». Тут *до чортиков* является обозначением высшей, предельной степени, но только одного очень определенного действия. Будучи оторвано от глагола *напиться*, выражение *до чортиков* может в индивидуальной речи стать шутивно-ироническим обозначением высшего предела вообще чего-нибудь. Именно так употребил это выражение художник А. Я. Головин, рассказывая о Левитане: «До каких „чортиков“ виртуозности дошел он в своих последних вещах!.. Его околицы, пристани, монастыри на закате, трогательные по настроению, написаны с удивительным мастерством»⁴⁹.

Таким образом, изучение не только синонимики, но и фразеологически связанных значений, употребления слов тесно объединяет лексикологию со стилистикой.

⁴⁸ См. словарь под ред. Д. Н. Ушакова, т. II, стр. 30

⁴⁹ А. Я. Головин, Встречи и впечатления. Воспоминания художника, Л.—М., «Искусство», 1940, стр. 14.

6

Кроме качественных различий между значениями свободными и значениями фразеологически связанными, несвободными, в лексической системе русского языка очень рельефно выступают специфические особенности значений, осуществление которых обусловлено синтаксически. В самом характере взаимосвязанности лексических значений слов и их синтаксических свойств сказываются качественные различия двух основных синтаксических категорий — словосочетания и предложения.

Своеобразный тип значений синтаксически обусловленного характера формируется в словах, за которыми закрепляется строго определенная функция в составе предложения. Функционально-синтаксически ограниченное значение качественно отличается от всех других типов значений тем, что синтаксические свойства слова как члена предложения здесь как бы включены в его семантическую характеристику. Например, ср. в разговорной речи слово *молодец* при выражении похвалы, одобрения в функции сказуемого: *Она у нас молодец; Молодец, что хорошо сдал экзамены.* Ср.: *Не жидец она на белом свете;* ср. также: *Не житье, а масленица.*

В слове *петух* различаются два значения: 1) «самец кур», 2) «забияка» в применении к человеку⁵⁰. Однако характерно, что со вторым значением этого слова не связан ни один из фразеологических оборотов, образовавшихся на основе слова *петух*: *пустить петуха* (о певце); *пустить красного петуха* («поджечь», из разбойничьего жаргона); *с петухами* (рано) *вставать, до петухов* (до зари) *не спать, засидеться.*

Таким образом, переносное значение слова *петух* нельзя считать фразеологически связанным. Правильнее всего было бы признать это значение, в отличие от прямого, свободного номинативного значения, значением предикативно-характеризующим. Предикативно-характеризующее значение существительного может быть использовано для называния, обозначения кого-нибудь или чего-нибудь лишь в случае индивидуального указания (обычно при посредстве местоимения *этот*). Например, если о задире сказали: *Вот так петух!* или что-нибудь другое в этом роде, то можно продолжать в таком духе: *Другого такого петуха не найти!* Или: *Этот петух всегда всем испортит настроение!* Но как название, как обозначение слово *петух* к человеку применяется обычно лишь в качестве фамилии или прозвища (можно вспомнить гоголевского Петра Петровича Петуха). Предикативно-характеризующее значение у имени существительного может реализоваться в сказуемом или в составе сказуемого, в обращении, в обо-собленном определении и приложении.

В сущности, соотношение тех же двух типов значений наблюдается и в слове *тетеря* с тем лишь различием, что здесь в разговорно-шутливой речи предикативно-характеризующее значение повело к образованию устойчивых фразеологических сочетаний *глухая тетеря, сонная тетеря, ленивая тетеря.* Сюда же можно присоединить такие слова — с их прямыми и переносными функционально-синтаксически ограниченными значениями, — как *гусь* (ср. *гусь лапчатый, вот так гусь!*), *осел, ерш* (ср. *ершиться*), *лиса, байбак, ворона* (ср. *проворошить*) и т. п.

Синтаксически ограниченное значение слова с семантической точки зрения часто представляет собой результат образно-типического обобщения какого-нибудь общественного явления, характера, каких-нибудь

⁵⁰ Словарь под ред. Д. Н. Ушакова, т. III, стр. 246. Наличие переносного значения в слове *петух* подтверждается произведенным отсюда фамильярным глаголом *петушиться* «вести себя задиристо, заносчиво, забиячливо».

свойств личности и является народным выражением их оценки, их характеристики. Поэтому оно применяется как предикат, как обращение, как приложение, или обособленное определение, или даже сначала как возникающее в речи переносное, нередко метафорическое, обозначение, в тех случаях, когда необходимо отнесение лица, предмета, явления к какому-нибудь разряду в системе коллективно осознанных способов их характеристики. Своеобразные семантические особенности этого типа значений слова особенно ярко выступают в случаях переходных, развивающихся, но еще не ставших стандартными. В этом отношении показательно складывающееся предикативно-характеризующее значение у слова *перекати-поле*⁵¹.

Есть слова, которым присуще только функционально-синтаксическое значение. Например, слово *загляденье* в академическом словаре русского языка под ред. акад. А. А. Шахматова определяется прежде всего как действие по значению глагола *заглядеться*, но ни одного примера, иллюстрирующего это значение, не указано⁵². В этом значении слово *загляденье* в современном русском языке употребляется только в выражении *на загляденье*. Например, у Кокорева в «Очерках и рассказах»: «Стол почтенных лет, но всегда выглядит на загляденье и около него скамья»; у Лескова в рассказе «Неразменный рубль»: «Я приду к отцу Василию и принесу, на загляденье, прекрасные покупки».

Начиная с XIX в., слово *загляденье* обозначает все то, на что можно заглядеться, чем можно залюбоваться; в этом значении оно употребляется только в функции сказуемого; черты имени существительного в нем стираются, падежные формы ему уже не свойственны. У Пушкина в прозаическом отрывке («В одно из первоначальных чисел апреля») читаем: «Что за карета — игрушка, загляденье»; у А. Майкова в стихотворении «Два мира»: «И целый лес кругом колонн, Все белый мрамор, загляденье!»; у И. С. Никитина в поэме «Кулак»: «...остался У бедняка рысак один: Ну, конь! Ей богу, загляденье!»; у Григоровича в романе «Переселенцы»: «Маленький чепчик на голове ее был просто загляденье»; у Гончарова в «Обрыве»: «Вон Балакин: ни одна умная девушка нейдет за него, а загляденье».

Более сложной была семантическая история славянизма *объяденье*, который до начала XIX в. обозначал «обжорство, неумеренность в пище», но затем в разговорно-бытовой речи закрепился в функции сказуемого и экспрессивно-восклицательного выражения, близкого к междометию. Слово *объяденье* стало эмоционально-предикативной характеристикой чего-нибудь необыкновенного по своему вкусу (*Пирожки — прямо объяденье!*).

В слове *указ* при употреблении его в разговорной речи в функции сказуемого с отрицанием *не* возникает своеобразное значение, которое определяется в толковых словарях так: «не может служить основанием, указанием для кого-нибудь, чего-нибудь» (*Ты мне не указ*). Тут уже явно обозначился отрыв предикативного выражения *не указ* от слова *указ* в значении «постановление верховного органа власти, имеющее силу закона». Ср. просторечное *не след* (в значении: «не следует»).

Функционально-синтаксически ограниченные значения свойственны главным образом именам существительным, прилагательным (особенно их

⁵¹ В художественной литературе находит отражение развитие этого значения, еще тесно связанного с прямым номинативным значением слова *перекати-поле*. См. рассказ А. П. Чехова «Перекасти-поле». См. также повесть современной свердловской писательницы Н. Поповой «Зрелость».

⁵² См. «Словарь русского языка, сост. Вторым отделением Имп. акад. наук», т. II, СПб., 1907, стр. 916—917.

кратким формам), а также наречиям, которые переходят в этих условиях в категорию состояния. Однако несомненно, что и в системе глагола развивается близкий тип предикативно-характеристических, определительных значений.

Эти значения обычно выступают в формах несовершенного вида и связаны с ограничением не только видовых, но и модальных возможностей употребления соответствующего глагола. Например: *Окна выходят в сад*; *Начинание молодых исследователей заслуживает всяческого поощрения*; *Дело стоит внимания*; *Один стоит семерых* и т. п.

7

Гораздо более сложной, далеко выходящей за пределы простой соотносительности с тремя типами лексических значений слова — значений свободных, фразеологически связанных и функционально-синтаксически ограниченных (или закрепленных) — является сфера значений конструктивно организованных или конструктивно обусловленных. Многие лексические значения слов неотделимы от строго определенных форм сочетаемости этих слов с другими словами. При этом данные формы сочетаемости зависят не только от принадлежности слов к тем или иным грамматическим категориям (например, глаголов к категории переходности), но и от связи этих слов с такими семантическими группами, которые обладают устойчивым типом конструкции. Дело в том, что структура некоторых типов словосочетаний обусловлена принадлежностью их грамматически господствующего члена к тому или иному семантическому классу или разряду слов, имеющих однотипную конструкцию. Например, многочисленный ряд глаголов внутреннего состояния, эмоционального и волевого переживания — *плакаться, сетовать, жаловаться* и некоторые другие — выражает свое значение обычно в сочетании с предлогом *на* и формой винительного падежа существительного, обозначающего объект соответствующего состояния или переживания. Так, прямое номинативное значение глагола *плакаться* (как и его синонимов, с помощью которых оно определяется, — *жаловаться, сетовать*) конструктивно обусловлено. Просто *плакаться* нельзя, можно *плакаться на что-нибудь* — *на свою судьбу, на свои несчастья*. Однако фразеологическая связанность вовсе не обязательна для конструктивно обусловленного значения. Достаточно сослаться на несколько других глаголов с той же конструкцией: *пенять кому-чему-либо* и *на кого-что, положиться — полагаться на кого-что-нибудь* и т. п. Специфические особенности конструктивно обусловленного значения особенно ярко обнаруживаются в тех словах, в которых самая возможность реализации и раскрытия их лексического содержания зависит от строго определенных форм их синтаксических сочетаний. Например, глагол *разобраться*, кроме своего прямого значения «привести в порядок, разобрать свои вещи», имеет конструктивно обусловленное значение: *разобраться в ком-чем* — «в результате опыта, наблюдений хорошо понять» (*разобраться в вопросе, в обстоятельствах дела, в своеобразии чьего-нибудь характера* и т. п.). Реализация данного значения невозможна вне зависимости от соответствующей конструкции. Лексическое значение слова тесно, органически связано с данным способом его семантико-синтаксического раскрытия. Ср. также: *состоять в чем-нибудь, выразиться в чем-нибудь, отозваться* (абсолютивно) и *отозваться на что*, а также потенциальные: *отозваться о ком-чем* [«с особым сочувствием отозвался о Соломине» (Тургенев, Новь)]; *отозваться на чем-нибудь* («сказаться, отразиться»: *Долгая ночная работа вредно отозвалась на здоровье*).

Признание конструктивной обусловленности многих значений основано совсем не на тех соображениях, которые побуждали акад. Л. В. Щербу даже всякий переходный глагол рассматривать как «строевой» элемент грамматики, как форму связи между субъектом и объектом действия. Есть различие между лексическими значениями тех слов, которые по законам грамматики русского языка конкретизируют свое содержание соответственно своей принадлежности к той или иной грамматической или лексико-грамматической категории (например: *купить что-нибудь*, *производство чего-нибудь*), и между конструктивно-обусловленными значениями тех слов, в которых сама дифференциация значений всецело зависит от форм их сочетаемости с другими словами.

Конструктивно обусловленное значение характеризуется предметно-смысловой неполнотой его раскрытия в формах самого слова: полностью оно реализуется лишь в свойственной ему синтаксической конструкции — в сочетании с другими словами, количество и состав которых могут быть ничем не ограничены. Возможная неограниченность связей с другими словами в рамках строго определенной синтаксической конструкции является существенным признаком конструктивно обусловленного значения. И этим признаком оно резко отличается от значения фразеологически связанного, для которого типична замкнутость, ограниченность возможных сочетаний с другими словами.

Конструктивно обусловленное значение может быть признаком обособления омонима от смысловой структуры однозвучного слова. Например, едва ли значения слова *положение* (о чем-нибудь): 1) закон, правило или свод правил, касающихся чего-нибудь, и 2) логическое научное утверждение, формула, сформулированная мысль (*положение о внутренних законах развития*) могут быть объединены с такими значениями слова *положение*, как «местонахождение в пространстве», «постановка тела или частей его», «состояние», «обстоятельства», «обстановка общественной жизни», «роль в общественной жизни», «распорядок государственной, общественной жизни» и т. п. Точно так же едва ли возможно втиснуть в систему значений одного слова все те значения, которые приписываются, например, глаголу *обернуться* (*обернуться лицом к окну* и сказочное — *обернуться кем-чем* или *в кого, во что: обернуться волком; бес, обернувшийся в пса*, и т. д.; ср. *оборотень*)⁵³.

Таким образом, разные виды конструктивной обусловленности слов могут служить указанием на границы разных значений одного и того же слова и вместе с тем могут быть признаками омонимии. Конструктивная обусловленность бывает свойственна не только свободным номинативным, но и фразеологически связанным и функционально-синтаксически ограниченными значениям слов.

Например, в слове *вопрос* ярко сказывается связь разных его значений с разными конструктивно-синтаксическими свойствами или формами сочетаемости с другими словами. Прямое номинативное значение — «словесное обращение, требующее ответа, объяснения», выражается словом *вопрос* в сочетании с предлогом *о* и формой предложного падежа существительного или, независимо от такого сочетания, — в абсолютном употреблении. Например: *получить ответы на все вопросы; задать несколько вопросов*. В сущности, те же конструкции связаны и с обобщенным, абстрактным номинативным значением «проблема», «задача», «предмет исследования», но для формы множественного числа — *вопросы* возможно сочетание и с формой родительного падежа. Иллюстрации к этому зна-

⁵³ Однако см. словарь под ред. Д. Н. Ушакова, т. II, стр. 631 и словарь С. И. Ожегова, стр. 378—379.

ченко: *национальный вопрос, вопрос о законах развития общества, вопросы грамматического строя, вопросы современной архитектуры* и т. п. В бытовой речи это значение приобретает более широкий, неопределенный и общий характер и становится синонимом таких слов, как *вещь, дело, тема, обстоятельство*. Например: *Это совсем другой вопрос* («это совсем другое дело»); *Мы еще вернемся к этому вопросу* и т. п. Несомненно, что выражения типа: *вопрос не в этом; вопрос в том, что; весь вопрос — в быстроте исполнения* — представляют собой устойчиво-фразеологические обороты. Здесь толковыми словарями обычно выделяется фразеологически связанное значение «суть, сущность, главное» и т. п.

В предикативном значении (а отсюда — и в индикативном, конкретно-указательном употреблении) слово *вопрос* в единственном числе в сочетании с формой родительного падежа отвлеченного существительного обозначает: «дело, обстоятельство, касающееся чего-нибудь, зависящее от чего-нибудь» (*вопрос чести, вопрос времени, вопрос жизни и смерти, вопрос денег, вопрос терпения* и т. п.)⁵⁴.

Примером взаимодействия фразеологически связанных значений и строго дифференцированных конструкций может служить слово *играть*: ср., с одной стороны, *играть во что* (в карты, в лото, в прятки, в футбол, в шахматы и т. п.) и переносно — *играть в чувство, в негодование* и т. п. и, с другой стороны, *играть на чем* (на скрипке, на гитаре, на рояле; ср. также: *играть на бильярде, на первах*): ср. *играть чем или кем* (*жизнью, людьми*), *играть кого-что, в чем* и т. п.

Обусловленность значения слова строго определенными и притом ограниченными синтаксическими формами сочетаемости его с другими словами сопровождается своеобразными структурными оттенками лексического значения. Свободное номинативное значение в тех случаях, когда оно конструктивно обусловлено, обычно имеет более ограниченный, узкий характер [ср., например: *готовая работа и работа, готовая к и печати; интересы* (духовные, классовые и т. п.), *интерес* (общественный), *интерес к кому-чему; хлопотать и хлопотать о ком-о чем; предмет и предмет чего* (насмешки, иронии, любви и т. д.)].

Конструктивная обусловленность фразеологически связанного значения еще теснее замыкает его в рамки немногочисленных фразеологических сочетаний и приводит к распылению, к растворению его семантического ядра в общем целостном значении соответствующих фразеологических единиц. Например: *ласкать себя надеждой; броситься в глаза* (ср. *броситься в лицо, в голову* и т. д.).

Таким образом, в системе знаменательных частей речи конструктивная обусловленность или связанность лишь вносит своеобразные оттенки в основные типы значений слов, способствует дифференциации значений и оттенков слова, а также разграничению омонимов.

Выделение особого типа конструктивно-обусловленного значения происходит при превращении знаменательного слова в служебное (например, *относительно* — в функции предлога при омониме *относительно*—наречии и модальном слове; *точно* — в функции союза соотносительно с омонимом *точно*—наречием, а также модальным словом и утвердительной частицей и т. п.). Но тут уже открывается область иных структурных типов слов и иных типов значений, о которых удобнее говорить при изучении вопроса о взаимодействии лексических и грамматических значений у служебных слов, об условиях и способах перехода лексических значений в грамматические.

⁵⁴ См. словарь под ред. Д. Н. Ушакова, т. I, стр. 362—363; то же в словаре С. И. Ожегова, стр. 80.

*

Разграничение основных типов или видов лексических значений слов помогает установить ясную перспективу в семантической характеристике слов и содействует правильному определению омонимов и синонимов в лексической системе языка. Разные виды значений слов по-разному служат отражению и закреплению в языке успехов познавательной деятельности народа. А. А. Потехин правильно указывал на то, что лексические значения слов, органически связанные с грамматическими, являются структурным элементом языка, и в этом смысле они формальны — по сравнению с теми понятиями, которые складываются и закрепляются на их основе и с их помощью.

Понятие может стать свободным, номинативным значением слова, но и в этом случае семантика слова в целом, рассматриваемого в аспекте системы языка, не исчерпывается и не ограничивается только выражением этого понятия. Что же касается других видов лексических значений слов, то эти значения настолько слиты со спецификой данного конкретного языка, что общечеловеческое, понятийное, логическое содержание в них обрастает со всех сторон своеобразными формами и смысловыми оттенками национального творчества данного народа.